

Часто вспоминается мне сцена у Канавки из «Гликовой дамы»: мрачные очертания дворца с потухающими окнами, парящий за снеженной набережной, волнующая тема Лизы в оркестре. Или поля за речкой, порывавшая листва берез около избы Сусанина и широкая, напевная песня Антонида — только здесь и могла родиться русская песня, которой вдохновился Глинка, когда писал свою оперу.

Хороший актер для зрителя надолго, если не навсегда, связывается с сыгранной ролью. Но если вдуматься, то разве не того же достигают художники Большого театра, когда мы дарим им первые аплодисменты и вместе с музыкой уносим и память о созданных ими декорациях?

Большая тема

В. ГОРОЩЕНКО,
директор 416-й школы Москвы

Недавно я побывала в Большом театре на балете «Медный всадник». Хорошая музыка, замечательные танцы, но главное — на сцене жил настоящий пушкинский Евгений. Глядя на Ю. Жданова, никак нельзя было сказать, что он танцует партию Евгения. Он играл проникновенно, с непередаваемой теплотой играл героя пушкинской поэмы — маленького петербургского чиновника. И это в балете!

Мы привыкли видеть на оперной сцене Татьяну и Германа, Руслана и Дубровского, Бориса Годунова и многих других литературных героев. Музыка, пение помогали раскрыть их образы. А ведь в балете нет слов, и поэтому создание в нем полноценного образа кажется на первый взгляд невозможным. Однако эта задача, несмотря на трудность, успешно решается нашими балетными артистами. Вспомните только Уланову-Джугельту, Семенову-Китри, Плисецкую-Зарему. Это галерея героев Шекспира, Пушкина, Сервантеса.

И самое замечательное, что здесь не отдельные удачи талантливых артистов. Любую роль они исполняют с глубинной проникновенностью в душевную жизнь своего героя. Разве не вправе мы поставить Ольгу Лепешинскую в число создателей пушкинских образов? Ведь она с такой правдивостью исполнила Лизу в «Барышне-крестьянке», танцовщицу Полину в «Кавказском пленнике», Парашу в «Медном всаднике»!

Советский балет первый сумел передать в танце все тончайшие оттенки человеческих чувств и переживаний. Поэтому так велико познавательное и воспитательное значение не только опер, но и балетов Большого театра.

В этом году почти все ученицы старших классов нашей школы смотрели «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», балет «Медный всадник». Нам казалось это необходимым для более глубокого усвоения учебной программы по литературе, и мы не ошиблись. Теперь, когда читаешь сочинения девочек на пушкинские темы, видишь, как ожили для них образы поэта, как будто вновь открывшиеся им в постановках Большого театра.

Сила искусства

К. БОРИН,
Герой Социалистического Труда

Много лет назад я, молодой комбайнер с четырехклассным образованием и весьма ограниченным представлением об оперной музыке, попал впервые в Большой театр. Я был потрясен до глубины души. И с тех пор с Большим театром у меня, как и у многих сотен других людей, связаны мысли о настоящем искусстве.

Благодаря Большому театру я узнал и полюбил оперную и балетную музыку. И теперь, стоит прозвучать по радио увертюры из любой оперы или из балета какого-либо из моих любимых композиторов, я узнаю авторов сразу, и тут же у меня возникают зрительные ощущения, связанные с виденными мною в театре постановками.

Монументальность оперного творчества требует, чтоб и тема, и содержание, и форма произведения соответствовали одно другому. Опера должна доставлять не одни только приятные ощущения. Она призвана воспитывать, возбуждать самые высокие чувства в человеке.

Можно ли было сказать, побывав на постановке оперы Жуковского «От всего сердца», что ты унес с собой ощущение больших мыслей, богатство чувств? Конечно, нет! Это — бедное произведение, которое никак не отражало богатую событиями и чувствами современную жизнь деревни. Не спасли оперу от провала ни талантливые актеры, ни пышные декорации.

От души желаю, чтоб наше советское оперное искусство создавалось на образцах русской классической музыки, чтоб на сцене Большого театра мы увидели такие же советские оперы, как бессмертные «Иван Сусанин», «Борис Годунов».

Спасибо театру

Т. И. Н. УКОЛОВЫ,
инженеры

Есть в Большом театре два замечательных спектакля — «Князь Игорь» и «Иван Сусанин». Кажется, так мало общего между ними древней Руси Игорем и простым крестьянином Сусанином. И жили они в разное время и в народной памяти связаны различными событиями, а обе оперы волнуют одинаково глубоко.

Рвется на волю Игорь. Нет таких богатств и почестей, рад которых примирится бы он с половцами и изменил Руси. Бесплезны уговоры хана Кончака. Игорь — Ан. Иванов — человек большой души. Мягко и задушевно звучит его голос в сцене прощания с женой или когда он вспоминает о ней в плену. Но когда весь преобразуется, какой силы исполнены его ответы хану. И вот Игорь — ликующий, радостный. Через все преграды прорвался он в родной Путивль и, забыв о недавних ранах, готовится к новому походу на врага.

Без колебаний отдает за Русь свою жизнь Сусанин. Удивительно тепло рассказывает М. Д. Михайлов о думах своего героя, может быть, как раз потому, что нет в нем ничего особенного, ничего исключительного, что это простой старик-крестьянин, Михайлов-Сусанин так дорог зрителю. Он настолько близок нам своими мыслями и чувствами, что хочется назвать его не шим современником.

А русские женщины, которых мы видели в этих операх, Ярославна и Антониды! Эти образы всегда находили замечательных исполнительниц в нашем Большом театре. А. В. Нежданова, В. В. Барсова, а ныне молодая артистка Ирина Масленникова в «Иване Сусанине», К. Г. Держинская и Евгения Смоленская в «Князе Игоре» — ими может гордиться славный театр.

И кажется, что в этих образах воплощена душа нашего народа, его самые заветные чувства. Любовь к Родине, сознание долга перед ней — разве это не самые важные и почетные темы для театра?

О прошлом, настоящем и будущем

А. ИГНАТЬЕВ,
генерал-лейтенант

Свое знакомство с Большим театром я могу исчислять десятилетиями. Помню 1902 год, когда на сцене театра давали оперу Глинки «Иван Сусанин». Это был блестящий спектакль, в великолепных декорациях, главные партии исполняли замечательнейшие артисты труппы. Но как далеки и холодны были слушатели к происходящему на сцене! Ни страдания милой, обаятельной Антонида, которую очень задушевно пела Антонина Васильевна Нежданова, ни глубоко патристический образ крестьянина, превосходно воплощенный В. Р. Петровым, ни несравненное контральто Е. И. Збруевой, певшей Ваню, — и что не возмывало раззолоченную, чопорную публику пертер эту отчужденность зрительного зала и сцены во время спектакля я, конечно, осознал не тогда, на спектакле, а через много лет, когда уже после Великой Октябрьской революции вновь посетил Большой театр.

Шел балет советского композитора Р. Глиэра «Красный мак». Затаив дыхание, с глубоким вниманием следил зрительный зал за развитием действия, с необыкновенной чуткостью воспринимая происходящее. Будь то грациозное движение балерины или яркие музыкальные образы — все находило мгновенный отклик у зрителя.

Я невольно вспомнил зрительский спектакль «Сусанин» и пр. смотрел в зал. Здесь выдвинулись матросские бушлаты, красная армейская гимнастерка. По молодым, горящим глазам этих людей, зачарованно смотрящих на сцену, я понял: в театр пришел настоящий зритель, в театр пришел народ.

В новом, советском балете меня поразило все — волнующий актуальный сюжет, музыкально-сценические образы. А главное, что я не мог не заметить, — это ансамбль. Спектакль решали не отдельные солисты — хотя партию Тао-Хоа с Большим искусством танцевала Виктория Кригер, — а весь состав исполнителей и в том числе великолепный хордебалет, равного которому я видел в мире. Слаженность, подчиненность всех компонентов спектакля единому замыслу, единой идее, как я убедился впоследствии, характерны стали для всех спектаклей советского Большого театра.

Мы говорим: для того, чтобы верить в будущее, надо хорошо познать настоящее, а чтобы познать настоящее, надлежит изучить прошлое. История Большого театра подтверждает правильность этой мысли. Я знаком был с прошлым этого театра и тем более мог оценить его славу настоящего, а потому, поверил и в его блестящее будущее.

Я верю в это будущее, когда вижу, как любовно заботятся о старейшем музыкальном театре наша партия, правительство и лично товарищ Сталин. Я верю в будущее театра, когда вижу, как любит и ценит его народ.